

Английский пациент

Автор:

Майкл Ондатже

Английский пациент

Майкл Ондатже

Девять с половиной недель

В песках пустыни бедуины находят обгоревшего летчика. Он не помнит своего имени, не знает, кто он и как сюда попал. Бедуины спасают ему жизнь, но теперь он мало похож на человека – его тело покрыто обуглившейся кожей, а лицо невозможно узнать. Для всех он просто «английский пациент» – человек без лица и без имени.

После переправки в разрушенную войной Европу английский пациент оказывается на заброшенной итальянской вилле на попечении молодой медсестры Ханы. Она отказывается уезжать с другими медсестрами и остается ухаживать за ним. Умиравший пациент рассказывает Хане историю его любви к замужней женщине, трагическую и невероятную...

Майкл Ондатже

Английский пациент

Michael Ondaatje

THE ENGLISH PATIENT

© Кротовская Н. Г., перевод на русский язык, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

* * *

В память о Скипе и Мэри Дикинсон

Посвящаю Квентину и Гриффину, а также Луизе Деннис с благодарностями

«Многие из вас, я уверен, помнят трагические обстоятельства смерти Джеффри Клифтона в Гильф-эль-Кебуре, за которой последовало таинственное исчезновение его жены Кэтрин Клифтон. Это случилось в 1939 году во время экспедиции в пустыне в поисках затерянного оазиса Зерзура.

Не могу начать наше нынешнее заседание, не выразив соболезнования по поводу тех трагических событий.

А тема нашей лекции сегодня...»

Из протокола заседания Географического общества в ноябре 194... года, Лондон.

I. На вилле

Девушка работает в саду. Сильный порыв ветра, от которого колышутся высокие стройные кипарисы, заставляет распрямиться. Она вглядывается в даль. По всему видно, погода изменится: ветер гонит по небу тучи, слышны отдаленные раскаты грома, в воздухе пахнет грозой. Девушка поворачивается, идет вверх по тропинке к дому. Не успевает перелезть через низкую стену, как первые капли дождя падают на обнаженные руки. Проходит через лоджию и оказывается в

доме.

Не задерживаясь на кухне, поднимается по темным ступенькам и идет по длинному коридору, в конце которого из приоткрытой двери пробивается полоска света.

Войдя в комнату, вновь оказывается в саду из деревьев и кустов, на этот раз – не настоящих, а нарисованных на стенах и потолке. На кровати лежит мужчина. Простыни откинута, тело обдувает легкий ветерок. Услышав, что кто-то вошел, он медленно поворачивает голову.

Раз в четыре дня она обмывает его обгоревшее тело, начиная со ступней. Намочив водой салфетку, осторожно прикладывает к ногам, наблюдая, как он что-то бормочет от удовольствия, радуясь его улыбке. Выше колен ожоги сильнее: до мяса, до кости.

Она выхаживает его уже несколько месяцев – и знает каждую клеточку обгоревшего тела, пенис, похожий на спящего морского конька, стройные упругие бедра. Как у Христа, думает девушка. Он, ее безнадежный святой, лежит на спине, без подушки, и смотрит в потолок: на нарисованную листву и причудливые, шатром нависающие ветви, а над ними – голубое небо.

Она наносит полосками каламин[1 - Лосьон, состав для примочек или мазь, содержащие каламин (розовый порошок, смесь карбоната цинка и оксида железа), применяющиеся в медицинской практике для ухода за обожженной поверхностью тела. – Здесь и далее примечания редактора, если не оговорено иное.] на его грудь: туда, где ожоги не такие сильные и можно дотронуться. Ей нравится касаться впадины под самым нижним ребром. Дойдя до плеч, нежно дует ему в шею, и он что-то невнятно бормочет в ответ.

– Что? – спрашивает девушка, очнувшись от раздумий и возвращаясь в реальный мир.

Он поворачивается к ней обгоревшим лицом. Серые глаза смотрят пристально. Из кармана платья она достает сливу, зубами снимает кожицу и кладет сочную мякоть ему в рот.

Он снова что-то шепчет, погружаясь в глубокий колодец воспоминаний, которые мучают его с тех пор, как он умер для всех. Он увел с собой эту девушку с чутким сердцем, молодую медсестру – в мир, куда зовет память.

Иногда мужчина тихо рассказывает ей истории, всплывающие из небытия. Он просыпается в нарисованной беседке из зелени, кругом цветы, огромные ветви деревьев. Это вновь навеивает воспоминания: пикники, женщина, целующая его тело, сейчас похожее на обгоревшую головешку.

– Я неделями пропадал в пустыне, забывая даже взглянуть на Луну, – рассказывает он, – как иной женатый мужчина может жить рядом с женой и не замечать ее. Не потому, что не любит или игнорирует ее, а потому, что занят чем-то очень важным, требующим полной отдачи; нельзя осуждать его за это.

Мужчина внимательно следит за лицом девушки. Если она посмотрит на него, отводит взгляд в сторону. Она наклоняется к нему.

– Что с вами случилось? Как это произошло?

Время за полдень. Он гладит тыльной стороной кистей край простыни, пальцы нежно касаются ткани.

– Мой самолет загорелся и упал в пустыне. Люди нашли меня и, сделав носилки из палок, тащили через всю пустыню. Мы были в районе Песчаного моря, о чем свидетельствовали пересохшие русла рек. Это были кочевники, номады. Вы слышали о них? Бедуины. Когда самолет упал, горел даже песок. Они увидели меня, беззащитного в сжирающем пламени, привязали ремнями к носилкам, соорудив что-то вроде лодки, и побежали. Я, нарушивший покой пустыни, слышал глухие звуки их шагов.

Горящий самолет не был для бедуинов в диковинку: с 1939 года они видели, как аэропланы загорались в небе и падали в пустыню. Некоторые орудия труда и кухонную утварь они делали из металла сбитых самолетов или брошенных искалеченных танков. Это было время войны в небе. Люди научились различать звук сбитого самолета и могли безошибочно найти дорогу к месту падения. Порой маленький болтик из кабины становился сокровищем. Но, вероятнее всего, я был первым пилотом, который вышел живым из огня – с головой, объятый пламенем. Они не знали моего имени. А я не знал, из какого они

племени.

– Кто вы?

– Не знаю. Вы все время спрашиваете меня об этом.

– Вы говорили, что англичанин.

Когда наступает ночь, он не может заснуть. И тогда девушка читает какую-нибудь книгу из тех, что удастся найти в чудом уцелевшей библиотеке внизу. Дрожащее пламя свечи освещает страницы и лицо молодой медсестры, играя загадочными тенями в листве нарисованных на стене деревьев. Он слушает, впитывая каждое слово, как живительную влагу.

Если ночью холодно, она спит на его постели – рядом, но стараясь не задеть его даже рукой, потому что это причинит боль.

Иногда он не может заснуть до двух часов ночи и лежит, глядя в темноту.

Даже с завязанными глазами он мог с уверенностью сказать, что они пришли в оазис. Он чувствовал это по характерным приметам: по влаге в воздухе, шелесту пальмовых листьев и бряцанью конских уздечек; по приглушенному стуку ставящихся на песок жестяных ведер, наполненных водой.

Бедуины пропитали маслом большие куски мягкой ткани, которые накладывали на его лицо, руки, тело.

Он ощущал присутствие одного молчаливого человека, постоянно находившегося рядом; чувствовал его дыхание, когда тот наклонялся, меняя повязки и осматривая его кожу в темноте.

Когда снимали повязки, он, голый, снова чувствовал себя беззащитным перед полыхающим в огне самолетом. Его завернули в несколько слоев войлока. Интересно, что же это за племя? В какой стране растут такие мягкие финики, которые бедуин, находящийся рядом, сначала разжевывал сам, а потом клал ему в рот? Тогда, среди аборигенов, забылось, откуда он сам. Возможно, его сбил в воздушном бою умелый противник.

Позже, в госпитале в Пизе, каждую ночь мерещилось лицо бедуина, который разжевывает финики и кладет ему в рот.

То были ночи мрака: он не слышал ни разговоров, ни песен. Бедуины замолкали, когда он просыпался. Он возлежал в гамаке и мысленно тешил тщеславие, представляя сотни суетящихся вокруг него бедуинов, а среди них, возможно, и тех двоих, которые нашли его и сорвали с головы шлем, объятый языками пламени. Тех двоих, которых он мог узнать только по вкусу слюны от разжеванного финика и по глухому звуку бегущих ног.

Девушка сидит, читая при дрожащем свете лампы-керосинки, время от времени бросая взгляд сквозь дверной проем в длинный коридор виллы, в которой до этого размещался военный госпиталь. Здесь она жила с другими медсестрами до того, как все уехали, потому что фронт передвинулся на север, и война приблизилась к концу.

Читая английскому пациенту по вечерам, она открыла для себя новый мир – мир книг, который позволял забыть о затворничестве и стал нитью, связывающей с внешним миром. По ночам, склонившись над столом, она читала о молодом юноше-сироте из Индии, который учился запоминать с одного короткого взгляда разрозненные драгоценные камни и иные предметы, лежащие на подносе, разговаривать на разных диалектах, тренировать разум и волю, не поддаваться гипнозу[2 - Имеется в виду роман Редьярда Киплинга «Ким»].

Книга лежала на коленях. Вдруг она поняла, что уже пять минут неотрывно смотрит на семнадцатую страницу, где кто-то загнул угол, словно какой-то знак. Разгладила страницу рукой. Что-то быстро пронеслось в памяти, словно мышь по чердаку над потолком или мотылек в ночном окне. Девушка снова посмотрела в коридор, хотя кого она могла там увидеть? Ведь кроме нее и английского пациента, никто не живет на этой вилле Сан-Джироламо. С голоду они не умрут, ибо в развороченном бомбами фруктовом саду над домом она посадила немного овощей, а из соседней деревни время от времени наведывался мужчина, которому она меняла мыло, простыни или еще что-нибудь, оставшееся от военного госпиталя, на продукты: фасоль или мясо. Однажды мужчина принес даже две бутылки вина, и тогда каждую ночь, дождавшись, пока англичанин уснет, девушка осторожно выскользнула из-под одеяла, торжественно наполняла небольшую мензурку, садилась за столик напротив приоткрытой двери и продолжала читать книгу, отхлебывая вино маленькими глотками.

Поэтому англичанину, когда следующим вечером она снова читала вслух, пропустив свои ночные куски, наверное, трудно было следить за сюжетной линией, которая время от времени прерывалась, – да и вникал ли он в повествование?

Вилла, в которой они нашли свое пристанище, очень напоминала такую книгу с недостающими главами. В некоторые комнаты было невозможно войти, потому что вход был завален камнями. Внизу располагалась библиотека, которую через дыру от тяжелого снаряда то и дело заливал дождь, а по ночам туда попадал лунный свет. В углу стояло вечно промокшее кресло.

Ее не особенно волновало, что англичанину доводится слушать не всю книгу подряд. Она не пересказывала содержание той части, которую прочитала одна. Просто приносила книгу и говорила «страница девяносто шесть» или «страница сто одиннадцать». Это было единственным вступлением к чтению. Она брала его руки и, поднеся к лицу, вдыхала их запах – запах болезни.

– Кожа на ваших руках загрубела, – однажды сказал он.

– Это от работы в саду, от сорняков и колючек.

– Будьте осторожны. Я предупреждал, что будет трудно.

– Я знаю.

Затем она начала читать.

Это отец рассказал ей о том, что по запаху рук можно определить состояние здоровья человека. А еще интереснее говорил о собаках. Всякий раз, оставаясь один дома, он наклонялся к собаке и вдыхал запах подушечек лап. Любил повторять, что это самый чудесный запах в мире – и действует почище глотка бренди. А какой букет! Увлекательные рассказы о путешествиях! Она делала вид, что ей неприятно, но лапы действительно были чудом: они никогда не имели запаха грязных мест. «Конечно, пес побывал возле церкви! – говорил отец. – А потом в саду...» Потом дорога шла через высокую траву, цикламены – по запаху можно было догадаться обо всех путях и дорожках, которые прошли эти лапы за день.

Что-то похожее на мышь пронеслось по перекрытию над потолком, и она снова оторвала взгляд от книги.

Наступил день солнечного затмения, который они ждали. Сняли с его лица маску из трав. Где он? И что это за цивилизация, которая умеет предсказывать погоду и затмения? Если взять за ориентир Эль-Ахмар (или Эль-Абьяд?[3 - Мыс Эль-Абьяд (Энгела, Рас-Энгеля) – самая северная точка Африки.]), это, должно быть, одно из северо-западных племен пустыни – люди, которые смогли найти пилота, упавшего с неба, и наложить на лицо маску, сплетенную из трав.

На нем был покров из травы. Его самым любимым местом были травяные луга в Кью[4 - Кью-Гарденс – большой Королевский ботанический сад в западной части Лондона. – Прим. пер.], где краски так нежны и разнообразны.

Напрягая зрение, человек попытался хоть что-то рассмотреть в полутьме. К тому времени они уже научили его простирать руки к небу, чтобы вобрать жизненную энергию из Вселенной. Его перетаскивали на носилках, сделанных из войлока и веток. Высоко в небе, около закрытого Луной солнечного диска, были видны медленно движущиеся вереницы фламинго.

Он чувствовал, как на его кожу постоянно накладывали мази – и наступала темнота. Однажды ночью он услышал высоко в воздухе звук, похожий на перезвон колокольчиков на ветру. Через некоторое время звук прекратился, и он заснул с желанием услышать его снова – странный звук, напоминающий крик снижающейся птицы (может быть, фламинго?) или лисы пустыни, которую один из бедуинов носил в кармане бурнуса.

На следующий день, когда он снова лежал, обернутый тканью, вновь услышал эти звуки. Когда наступили сумерки и с него сняли войлок, вдруг показалось, что приближается голова мужчины на столе, но затем он понял, что мужчина нес на плечах огромных размеров коромысло, к которому на нитях разной длины были привязаны сотни маленьких бутылочек. Двигаясь, человек словно находился в центре стеклянного занавеса, издающего мелодичные звуки.

Фигура мужчины напоминала одного из архангелов, которых он пытался рисовать в детстве, недоумевая, как в таком маленьком теле могут уместиться такие сильные мышцы для огромных крыльев. Движение было медленным и осторожным, так что бутылочки почти не раскачивались. Архангел взмахивал

крылом, доставая нужную бутылочку, и накладывал на кожу мази, согретые солнцем – специально для облегчения ран. За спиной у него было свечение – синие и другие оттенки, дрожащие в дымке и на песке. Он помнит слабый перезвон стеклянных бутылочек, разнообразные цвета, царственную походку мужчины и лицо, похожее на плоский темный приклад ружья.

На всем караванном пути из Судана в Гизу, который назывался Дорогой Сорока Дней, его хорошо знали. Он встречал караваны, торговал пряностями и напитками и странствовал от оазиса к оазису. В стеклянном оперении из бутылочек шел он сквозь песчаные бури, и уши были заткнуты такими же пробками, как и бутылочки, так что и сам себе он казался одним из своих сосудов, этот врачеватель-купец, повелитель мазей, притирок и лекарств от всех болезней, этот баптист. Он сам приходил к тому, кто нуждался в его помощи, и раскрывал перед ним свой стеклянный занавес.

Раскинув крылья, он постоял над обгоревшим телом, после чего воткнул глубоко в песок две палки и, положив на них двухметровое коромысло, освободился от своей ноши, чтобы приняться за работу. Подошел к обожженному летчику, опустился на колени и, положив холодные ладони на его шею, какое-то время сидел не двигаясь.

Затем, соединив подошвы ног, сделал из них подобие чашечки. Откинувшись назад и даже не глядя на бутылочки, нашел нужные. Вытащив зубами пробки и держа их во рту, он смешивал содержимое в импровизированной чаше. Запахи вырвались на волю: моря, ржавчины, индиго, чернил, речной тины, крушины, формальдегида, парафина, эфира. Потоки воздуха подхватили их и разнесли по округе, и, почуяв аромат, вдалеке заревели верблюды. Он начал втирать в кожу на груди пациента пасту зелено-черного цвета. К ней был примешан порошок из растолченной кости павлина, который он выменял в одном из старых поселений к западу или к югу отсюда, зная, что это самое сильнодействующее целительное средство при ожогах.

Дверь между кухней и полуразрушенной часовней вела в библиотеку овальной формы. Внутри ничто не напоминало об опасности, кроме огромной глубокой дыры в дальней стене – следа от артобстрела двухмесячной давности. В общем, комната уже свыклась с этой раной, молчаливо принимая и вбирая в себя капризы погоды, свет вечерних звезд и голоса птиц. В библиотеке были диван, рояль, накрытый серой простыней, чучело медвежьей головы на стене и полки с книгами до самого потолка. Полки, расположенные ближе к развороченной

стене, разбухли от дождя и согнулись под тяжестью книг. Молния была частой гостьей в этой комнате, нанося краткие визиты и освещая зачехленный рояль и ковер.

В дальнем углу находилась застекленная створчатая дверь, забитая досками. Если бы она была открыта, из библиотеки можно было бы попасть в лоджию, потом, спустившись по тридцати шести шатким ступенькам вниз, пройти мимо часовни туда, где когда-то красовался луг; сейчас это место избородили рубцы от зажигательных бомб и фугасок. При отступлении немцы заминировали многие дома, поэтому ради безопасности двери в остальные неиспользуемые комнаты тоже были забиты.

Девушка знала, какие опасности могут подстерегать в темноте библиотеки. Внезапно ощутив тяжесть своего веса на дощатом полу, снова подумала, что этого могло бы хватить, чтобы привести в действие механизм заложенной где-нибудь под полом мины. И тогда все, что останется от нее, – яркая вспышка от взрыва и рваная дыра в потолке.

Подойдя к полке, с трудом вытащила из массы слипшихся книг одну. Усилия были вознаграждены яркой обложкой с аквамаринным небом, озером и индейцем на переднем плане. В полумраке комнаты прочла название – «Последний из могикан». Затем, словно боясь побеспокоить кого-то, пошла назад, осторожно наступая в свои же следы в целях безопасности, а может, придумав для себя игру в невидимку. Закрыв дверь, поставила доски – сигнал предупреждения – на место.

В комнате английского пациента девушка села в нише окна, на границе разрисованных стен с одной стороны и долины, расстилающейся внизу – с другой. Открыла книгу. Страницы слиплись от влаги, и она почувствовала себя Робинзоном Крузо, нашедшим утонувшую книгу, которую волны выбросили на берег, а солнце высушило на песке. «Повествование о 1757 году. Иллюстрации Н. С. Виета». Как во всех хороших книгах, в этой был список иллюстраций, и под каждой – строчка из текста.

Она погрузилась в чтение, зная, что это закончится ощущением, будто прожит кусок чужой жизни, сотканной из событий, протянувшихся на двадцать лет; тело будет казаться переполненным грустью, смущением и досадой, словно она проснулась с чувством тяжести оттого, что не может вспомнить, что приснилось.

Этот небольшой итальянский городок на холмах, стоящий на страже северо-западного направления, находился в осаде более месяца. Заградительный огонь был сконцентрирован на двух виллах и мужском монастыре, окруженных яблочными и сливовыми деревьями. Одной из них была вилла Медичи[5 - Медичи – флорентийский род, игравший важную роль в средневековой Италии. С 1434 по 1737 г. (с небольшими перерывами) правили Флоренцией.], где жили генералы. А как раз над ней, выше по склону, располагалась вилла Сан-Джироламо, где прежде был женский монастырь, толстые надежные стены которого сделали ее последним оплотом германской армии. Здесь размещались сто человек. Когда здания городка начали разлетаться на части от взрывов, как корабли в морской битве, солдаты перебазировались из походных палаток в саду в уже переполненные комнаты старого женского монастыря. Была разрушена часовня. Стены верхнего этажа обвалились. Когда этот дом наконец перешел в руки союзников и здесь определили место прифронтовому госпиталю, лестница на третий этаж уже вела в никуда, хотя сохранились части трубы и крыши.

При эвакуации госпиталя на юг, в более безопасное место, она и англичанин категорически отказались ехать со всеми и настояли на том, чтобы остаться здесь. На вилле было холодно, отсутствовало электричество. В некоторых комнатах, выходящих окнами на долину, разрушены стены. Часто, открыв дверь в какую-нибудь из комнат, она видела притулившуюся в углу кровать, промокшую от дождя и заваленную листьями. А иногда дверь вела просто в долину, потому что комнаты уже не было. В некоторых оставшихся гнездились птицы.

На лестнице не хватало нижних ступенек, поэтому девушка принесла из библиотеки двадцать книг и, положив одна на одну, восстановила две ступеньки. Согреваясь в холодные дни, они сожгли почти все стулья. Правда, в библиотеке еще оставалось кресло, но оно было всегда сырым, насквозь промокшим от вечерних ливней, которые хлестали через дыру в стене. Лишь сырой мебели удалось избежать участи быть сожженной в тот апрель 1945 года.

В доме оставалось мало кроватей. У нее не было личной спальни, нравилось кочевать по дому со своим соломенным матрацем или гамаком, располагаясь на ночлег то в комнате английского пациента, то в коридоре, что зависело от погоды, ветра или света. Утром сворачивала матрац и перевязывала бечевкой. Уже потеплело, и она открывала комнаты, впуская теплый воздух и солнечный свет, чтобы проветрить темные углы и просушить помещение.

Иногда ложилась там, где вообще не было стен: стелила матрац на самом краю комнаты, засыпая под скоплениями звезд и плывущими в небе облаками, просыпаясь от раскатов грома и бликов молнии. Девушке было всего двадцать лет, и хотя бы в такие минуты хотелось быть безрассудной, беспечной и не думать об опасностях типа заминированной библиотеки или внезапного грохота грома, который испугал среди ночи. Она устала от затворничества в замкнутом пространстве долгими холодными месяцами; нестерпимо хотелось простора. Она входила в грязные комнаты со сгоревшей мебелью, где жили солдаты, выгребала листья, вымывала следы от испражнений и выскребала обуглившиеся столы. Жила как бродяга, в то время как английский пациент покоился на своем ложе как король.

Наружная лестница со свисающими перилами была разрушена, и со стороны могло показаться, что на вилле никто не живет. Это было им на руку, так как обеспечивало относительную безопасность и защиту от бандитов, которые уничтожали все, что попадалось на пути. Она выращивала в саду овощи, а свечу зажигала только ночами – по необходимости. Тот простой факт, что вилла казалась грудой безжизненных развалин, защищал их; она, еще не женщина и уже не ребенок, чувствовала себя здесь в безопасности. Хлебнув из ковша тягот и горестей войны, девушка решила, что больше ее не заставят выполнять приказы и служить на благо всего прогрессивного человечества. Она будет служить одному человеку и ухаживать за ним – обгоревшим пациентом: читать, обмывать, делать инъекции морфия... И посвятит ему всю себя. В саду она сделала несколько грядок. Нашла у разрушенной часовни двухметровый крест и поставила на огороде, повесив на него пустые консервные банки, которые дребезжали на ветру и отпугивали птиц. Пройдя по дорожке, мощенной булыжником, оказалась в келье без окон, где хранила аккуратно упакованный чемодан. Там было несколько писем, пара сложенных платьев и металлическая коробка с медицинскими инструментами. Она уже расчистила малую часть виллы и могла все это сжечь, если захочет.

Чиркнув спичкой в темном коридоре, она зажигает фитиль свечи. Пламя поднимается до уровня плеч. Поставив свечу на пол, девушка садится и, обхватив колени руками, вдыхает запах серы. Ей кажется, что вместе с запахом в нее входит свет.

Отойдя на несколько шагов назад, кусочком белого мела она чертит прямоугольник на деревянном полу. Затем, отодвигаясь все дальше назад, рисует еще несколько прямоугольников, и вот уже на полу целая гроздь: один, потом двойной, потом снова один... Опершись на левую руку, она рисует с серьезным видом, опустив голову вниз. Прямоугольников все больше, пламя свечи все дальше. Некоторое время неподвижно сидит на собственных пятках.

Девушка роняет кусок мела в карман платья, затем встает, подбирает юбку и подтыкает на талии. Достав из другого кармана металлическую битку, бросает ее перед собой так, что та падает на самый отдаленный прямоугольник.

С силой прыгает вперед, тень корчится за ней в глубине коридора. Она перепрыгивает из квадрата в квадрат, ударяя подошвами теннисных туфель в номера, которые написаны в каждом прямоугольнике; прыг-скок, прыг-скок – на одной, потом на двух, и так дальше, пока не доходит до последнего прямоугольника.

Наклонившись, поднимает с пола битку, застывает в этом положении – с подоткнутой за пояс юбкой, с опущенными вдоль тела руками – и тяжело переводит дыхание. Набрав в легкие воздуха, задувает свечу.

Теперь ее окружает темнота, в которой чувствуется запах дыма.

Она подпрыгивает снова и, повернувшись в воздухе, двигается в обратном направлении, прыгая быстрее и стараясь попасть в «классики». Звонкие хлопки подошв гулким эхом разносятся по длинному коридору к дальним углам заброшенной итальянской виллы и дальше – в ночь, освещенную луной, к скалам в ущелье, которые полукругом обрамляют дом.

Иногда по ночам английский пациент ощущает легкую дрожь дома и слышит шум, похожий на хлопки. Он напрягает слух, пытаясь определить, что это за шум и откуда он.

С маленького столика у его кровати она берет книгу небольшого формата, которую он пронес сквозь огонь. Это – экземпляр «Историй» Геродота[6 - Геродот (между 490 и 480 – ок. 425 гг. до н. э.) – древнегреческий историк, прозванный «отцом истории»]. Его страницы прекрасно уживаются с

наблюдениями и заметками, которые английский пациент записывал между строчками, а также с рисунками и листами из других изданий, вырезанными и вклеенными сюда.

Она начинает читать, с трудом разбирая его мелкий угловатый почерк.

Есть постоянные ветры, досаждающие людям и сегодня. В Южном Марокко, например, бывает смерч, аджедж, от которого феллахи защищаются ножами. А еще известен африко, иногда доходящий даже до Рима. Алм – ветер с ливнем из Югославии. Арифи, прозванный также ареф или рифи, обжигает своими многочисленными языками.

Но есть и другие ветры, более изменчивые, способные сбить с ног лошадь, повергнуть наземь всадника и, развернувшись, устремиться в обратном направлении. Бист роз налетает на Афганистан и бушует в течение 170 дней, сметая и погребая заживо целые деревни. В Тунисе есть горячий сухой гибли; он крутится, и крутится, и крутится – и очень странно влияет на нервную систему. Хабуб из Судана – пыльная буря в виде ярких стен из желтого песка высотой до тысячи метров – сопровождается дождем. Харматтан, который дует, дует и в конце концов тонет в Атлантике. Имбат – морской бриз в Северной Африке.

Некоторые ветры похожи на тоскливый вздох небес. Ночные пыльные бури, которые приносят холод. Хамсин, пыльный ветер Египта с марта по май. Его название в переводе с арабского означает «пятьдесят», потому что он хозяйничает в течение пятидесяти дней и считается «девятой казнью египетской». Дату с Гибралтара несет ароматы и благоухание.

Есть еще тайный ветер пустыни, название которого никто не узнает, так как король приказал стереть его из памяти, когда от этого ветра погиб его сын. Нафхат – несется из Аравии, меццар-ифоулоу-зеп, яростный холодный, приходит с юго-запада; бедуины называют его «тот, что ошипывает перья». Бешабар – темный и сухой северо-восточный ветер с Кавказа – «черный». Самизель из Турции, «яд и ветер», часто используемый в сражениях. Помогали древним полководцам и другие «ядовитые ветры» – например, самум в Северной Африке или солано, который срывает и несет с собой лепестки редких растений, вызывающих головокружение.

Есть еще особые ветры.

Они хищниками рыщут по земле. Сдирая краску, валя на землю телеграфные столбы, переворачивая камни и отрывая головы статуям.

Харматтан властвует в Сахаре и состоит из красной пыли – красной, как огонь, и мелкой, как мука, которая забивает ружейные затворы. Моряки прозвали его «морем тьмы». Красные песчаные туманы доносились далеко на север, к Корнуоллу и Девону[7 - Графства на крайнем юго-западе Англии, между Бристольским заливом и проливом Ла-Манш. В некоторых источниках называются Корнуэлл и Девоншир.]. Дожди, с которыми этот песок падал на землю, люди принимали за кровь. «Широко сообщалось о том, что в Португалии и Испании в 1901 году выпали „кровавые“ дожди».

Мы даже не подозреваем о том, что воздух наполнен миллионами тонн песка, как земля – миллионами кубометров воздуха. Не приходит в голову, что в земле обитает больше живых существ (например, червей и жуков), чем на ее поверхности. Геродот пишет об исчезновении нескольких армий, которых поглотил самум. Один народ даже «был настолько приведен в ярость этим злым ветром, что объявил ему войну и отправился в поход в полном вооружении с поднятыми мечами только для того, чтобы быть быстро и полностью втертым в землю».

Пыльные бури бывают трех видов. Вихрь. Столб. Стена. В первом случае не видно горизонта. Во втором вас окружают «вальсирующие джинны». В третьем «встает медно-красная стена, и кажется, что все объято пламенем».

Девушка поднимает голову от книги и замечает, что он смотрит на нее. Затем отводит глаза в темноту и начинает рассказ.

У бедуинов были свои причины для того, чтобы сохранить мне жизнь. Видите ли, я мог быть им полезным. Когда самолет потерпел аварию в пустыне, кто-то сказал им, что я не простой летчик, но и кое-что умею – например, по очертаниям на карте определить, какой это город. Я из тех, кто, оказавшись один в чужом доме, направляется к книжному шкафу, достает книгу и читает, забыв обо всем. Так вбирается в себя история. Я помнил карты морских глубин, расположения слабых мест земной коры, схемы маршрутов крестоносцев, начертанные на телячьих шкурах...

Поэтому места эти были мне знакомы еще до того, как самолет упал туда. Я знал, когда эту пустыню пересек Александр Македонский, движимый благородными мотивами или алчностью. Понимал обычаи кочевников, одержимых шелком и колодцами. Одно племя выжгло дно долины до черноты, чтобы повысить конвекцию и тем самым вероятность дождя, и возвело высокие сооружения, чтобы проткнуть чрево облака. Было и другое племя (и не одно), люди которого протягивали руки ладонями вперед, отстраняя от себя ветер. Они верили: если сделать это в нужный момент, можно направить ветер в иную часть пустыни – к иному, менее благословенному племени, которое было в немилости...

В пустыне легко потерять ощущение реальности. Когда самолет упал в эти желтые волны, единственной мыслью было: я должен построить плот.

...Я должен построить плот.

И здесь, в сухих песках, было ясно, что меня окружали люди воды.

В Тассили[8 - Имеется в виду Тассилип-Аджер, плато в Центральной Сахаре с наскальными изображениями разного времени (с 8-го тысячелетия до н. э.). Не следует путать его с плато Тассилип-Ахаггар, находящимся южнее нагорья Ахаггар, тогда как Тассилип-Аджер расположено к северо-востоку от этого нагорья. Детальное обследование рисунков и неолитических орудий и керамики провела французская экспедиция А. Лота в 1956–1957 гг.] видел наскальные рисунки тех времен, когда на месте Сахары лежало море, а люди плавали на лодках из тростника. В Вади-Сура[9 - Вади-Сура – одна из сухих долин в пустынях Северной Африки. Вади, или уэд, – общее название таких долин в арабском языке.] обнаружил пещеры с наскальными изображениями пловцов. Там было когда-то озеро. Я мог нарисовать его контуры на стене, а мог – отвести людей к его береговой линии, оформившейся шесть тысячелетий назад.

Попросите моряка описать самое древнее известное парусное судно, и он расскажет о трапециевидном парусе, который свисал с мачты тростниковой лодки – такие я видел на наскальных рисунках в Нубии, относящихся еще к дофараоновской эпохе. В той пустыне до сих пор археологи находят гарпуны. Там действительно была вода. Даже сейчас караванные пути похожи на реки, хотя вода здесь – редкая гостья. Вода сейчас в изгнании. Перенесенная в эти места в банках и флягах, она, словно призрачное видение, исчезает в руках и во рту.

Когда я оказался среди них и не мог определить, где нахожусь, все, что было нужно – название небольшого горного хребта, или местный обычай, или любая маленькая частичка доисторического животного[10 - Намек на принцип «корреляции органов», установленный французским зоологом Жоржем Кювье.], – и карта окрестного мира была бы восстановлена в памяти.

Что мы знали об этих районах Африки? То, что долина Нила превратилась в поле сражений, простирающееся на полторы тысячи километров в глубину пустыни. Восемь тысяч людей на быстроходных танках, бомбардировщиках средней дальности «Бленхейм», в гладиаторских боях на бипланах. Казалось, вся Европа воевала в Северной Африке. С кем они сражались? И кто защищал эти места – плодородные земли Киренаики, соленые болота Эль-Агейла?

Накрыв летчика тканью, пропитанной маслом, а сверху плащом, бедуины несли его по пустыне пять дней.

Это был путь во мраке.

Внезапно он почувствовал, что температура упала. Они пришли в долину, окруженную высокими красными скалами. Здесь находился лагерь остатков племени людей воды, которое доживало свой век среди песка, пропадая в нем, как вода (а их голубые одежды были похожи на струи молока или крылья). Они сняли с него мягкую ткань, которая прилипла к телу. Как и тысячу лет назад, высоко в небе парили канюки, плавно снижаясь к горной расщелине...

Утром его понесли в дальний конец глубокого ущелья. Теперь люди разговаривали громко, и из разговора он понял, что там находился склад оружия. Потому-то он был нужен им.

Глаза были завязаны, поэтому он не видел, где остановились. Его руку открытой ладонью прижали к металлическому стволу какого-то огнестрельного оружия, затем отпустили. Голоса умолкли. Его доставили туда, чтобы определить тип оружия.

– Двенадцатимиллиметровый пулемет «Бреда». Италия.

Оттянул затвор, проверил пальцем патронник – пустой, затем, отпустив затвор, нажал на спусковой крючок. Раздался щелчок.

– Отличный пулемет, – пробормотал он.

Его понесли дальше.

– Ручной пулемет «Шаттелеро» калибра семь с половиной. Модель 1924 года. Франция.

– Авиационный пулемет МГ-15 калибра семь и девять десятых. Германия.

Его подносили к каждому виду оружия, которое, казалось, было собрано из разных времен и стран – своеобразный музей в пустыне. Осторожно смахнув пыль, проводил ладонью по очертаниям ложа и магазина или дотрагивался пальцем до прицела, называл калибр, и его несли дальше.

Он насчитал восемь видов оружия, которые опознал, громко называя сначала по-французски, а потом на их родном языке. Но что они в этом понимали и зачем это было нужно? Возможно, не столько важно было название, сколько сам факт, что сбитый летчик действительно разбирается в огнестрельном оружии.

Его снова взяли за запястье и погрузили руку в ящик с боеприпасами. Справа был еще один, с патронами, на этот раз – семимиллиметровыми.

В детстве его воспитывала тетя. Он хорошо помнит, как, рассыпав на лужайке колоду карт лицом вниз, учила мальчика играть. Каждому разрешалось перевернуть только две карты, а потом по памяти нужно было постепенно восстановить пары. Но все это происходило в другом мире – среди ручьев, в которых играла форель, и лугов, залитых пением птиц. Можно было узнать их по голосам: то был мир, полный названий.

А сейчас, с маской из трав на лице, он выбирал патрон, указывал, к какому оружию его поднести, вставлял, двигал затвором и, подняв дуло вверх, стрелял в воздух. Звук выстрела отдавался в ущелье безумным грохотом. «Эхо – это душа голоса, пробуждающаяся в пустоте». Мужчину, который когда-то написал эти строки в стенах одной английской больницы, считали нелюдимым и немного

не в себе. Но летчик в пустыне был вполне нормальным и сохранил здравость ума; с такой же легкостью, как когда-то подбирал пары карт и подбрасывал их в воздух, улыбаясь тетушке, теперь находил на ощупь подходящие патроны для каждого типа пулемета и разряжал их в воздух, а его зрители, которых он не видел, отвечали на каждый выстрел одобрительными возгласами.

Следом шел бедуин и процарапывал ножом одинаковые шифры калибров на ящиках с патронами и стволах. А пленник был рад движению и оживлению после стольких дней неподвижности и уединения. Своими знаниями он расплатился за то, что они спасли его, пусть даже не бескорыстно.

В некоторых селениях совсем нет женщин. Слух о его исключительных знаниях, которые могут принести пользу, проносится от племени к племени. Восемь тысяч аборигенов, и каждый – индивидуальность. Он прикасается к особенной музыке и особым обычаям. Слышит ликующие песни племени мзина, воздающие хвалу воде, танцы дахия, звуки дудок, которыми пользуются, чтобы предупредить об опасности, двойных флейт макруна (одна из которых звучит монотонно, как басовая трубка волынки). А затем другая деревня – на этот раз территория пятиструнных лир. Каждое новое селение или оазис полон своих прелюдий и интерлюдий. Хлопки в ладоши. Молчаливый танец.

Он может увидеть своих спасителей и одновременно поработителей только после сумерек, когда снимают повязку. Теперь он знает, где находится. Для некоторых племен рисует карты мест, которые расположены за пределами их границ, соседним объясняет устройство оружия.

Музыканты сидят близ костра по другую сторону. Через языки огня легкий порыв ветра доносит звуки лиры симсимия. Под них танцует мальчик, который так хорош в освещении пламени костра, что трудно оторвать взгляд. В бликах огня его худые плечи кажутся белыми, как папирус, на животе искрятся капельки пота, а нагота, которая, подобно отблескам молнии, просвечивает сквозь разрезы синего балахона от шеи до лодыжек, соблазняет и манит.

Их окружает ночная пустыня, покой которой нарушают лишь ураганы да караваны. Здесь постоянно подстерегают тайны и опасности. Однажды он, опустив руку в песок, неожиданно порезался острой бритвой, которая неизвестно как там оказалась. Иногда нет возможности точно сказать, явь это

или сон, но порез такой четкий, что не оставляет боли; он проводит рукой по голове (до лица еще невозможно дотронуться), чтобы обтереть кровь и привлечь внимание бедуинов, в плену которых находится, к своей ране. Существовало ли на самом деле это селение, где нет ни одной женщины – и куда его принесли в полном молчании? Действительно ли целый месяц он находился в абсолютной темноте, когда не видно даже луны? Может быть, просто приснилось, что он был окутан коконом из масла, войлока и темноты?

Они проходили мимо колодцев, где вода была проклята. На некоторых открытых участках песок поглотил города, и он ждал, пока спутники откапывали стены или колодцы. В памяти всплывал образ танцующего у костра подростка, чистая красота его непорочного тела – чистая, как звук голоса мальчика-хориста, как прозрачная речная струя или воды морских глубин. Здесь, в пустыне, где когда-то было море, ничто не застывало и не останавливалось, но все находилось в медленном движении – как одежды на танцующем мальчике, словно он входил в океан или медленно выплывал из его волн, словно из последа при рождении. Подросток, пробуждающий свою страсть; его гениталии медленно покачивались в свете костра.

Затем костер засыпают песком, и только дым поднимается над ним. Звуки музыкальных инструментов похожи на ритмичные удары пульса или стук капель дождя. Мальчик делает знак рукой, чтобы замолчали дудки. Его нет, уже не слышно и удаляющихся шагов. Только груды тряпья. Один из мужчин ползет вперед и подбирает несколько капель спермы, упавшей на песок. Он подходит к белому человеку – исследователю оружия – и пересыпает ему в руки эти капли с песком. Ничто не ценится в пустыне так, как влага.

Девушка стоит, ухватившись за края таза, и смотрит на стену перед собой; затем, водя головой из стороны в сторону, – на отражение в воде. До этого не было времени и желания смотреть на себя, и она убрала все зеркала в пустую комнату. Набирая в руки воду, смачивает голову. Это придает приятное ощущение свежести, когда она выходит из дома и легкий ветерок обдувает ее, заставляя забыть о плохом.

II. Безучастный к жизни

Мужчина с забинтованными руками находился в римском госпитале уже более четырех месяцев, когда случайно услышал имя медсестры, оставшейся с обгоревшим пациентом. Резко повернулся от двери и подошел к группе врачей, чтобы узнать, где можно найти ее, – чем немало удивил их. Дело в том, что, несмотря на довольно долгий срок пребывания, он неохотно шел на контакт и ни с кем не сблизился. Общение ограничивалось жестами и мимикой, иногда – усмешкой. От него ничего нельзя было узнать, даже имя: а в медицинской карте был поначалу записан лишь личный воинский номер; это, по крайней мере, могло означать, что он принадлежал к армиям союзников.

Он прошел двойную проверку, и из Лондона прислали подтверждение, что человек с этим номером действительно значился в списках личного состава канадского корпуса. При осмотре врачи, глядя на его бинты, понимающе кивали. В конце концов, победителей не судят. Герои тоже хотят и имеют право помолчать.

Он чувствовал себя спокойнее, охраняя молчанием собственную безопасность, ничего не открывая и не рассказывая. Они ничего не добьются ни нежностью, ни уговорами, ни угрозами. За четыре месяца он не произнес ни слова. Когда привезли и дали дозу морфия, чтобы заглушить боль в руках, он был большим животным, совершенно безучастным к жизни: сидел в кресле с подлокотниками в полутемном углу, наблюдая за суетой медсестер и движением пациентов из палаты в палату.

Но сейчас, проходя мимо врачей в холле, он услышал женское имя, замедлил шаг, повернулся, подошел к ним и спросил, в каком конкретно госпитале она работает. Ответили, что она осталась в бывшем женском монастыре к северу от Флоренции[11 - Столица итальянской области Тоскана.]. Там шли ожесточенные бои, и монастырем сначала владели немцы, а потом, после осады союзниками, он был переоборудован во временный полевой госпиталь. Здание почти наполовину разрушено, там небезопасно. Тем не менее, когда госпиталь эвакуировался, медсестра и ее пациент отказались покинуть его вместе со всеми.

– Почему вы не приказали им уехать?

– Она заявила, что ее пациент слишком слаб и не вынесет переезда. Мы, конечно, постарались бы доставить его как можно аккуратнее, но тогда было не до споров. Да и сама она была далеко не в лучшем состоянии.

– Ранена?

– Нет. Возможно, небольшая контузия после взрыва. Ее следовало бы отправить домой, но проблема в том, что здесь война закончилась, и никто уже не подчиняется приказам. Пациенты самовольно уходят из госпиталей. Солдаты разбегаются, не дожидаясь, когда их отправят домой.

– На какой вилле? – спросил нелюдимый больной.

– На той, где, говорят, в саду живут призраки, – Сан-Джироламо. А вообще-то у нее есть свой призрак – обгоревший пациент: у него нет лица, и он не реагирует ни на что. Даже если провести спичкой по щеке, не увидите никакой реакции. Мертвое лицо.

– Кто этот обгоревший? – спросил он.

– Мы не знаем его имени.

– Он не разговаривает?

Врачи рассмеялись.

– Разговаривает, почти все время, но не помнит, кто он.

– Откуда его привезли?

– Бедуины привезли его в оазис Сива. Потом он некоторое время находился в госпитале в Пизе, а потом... Возможно, у какого-нибудь араба и хранится бирка с его именем. Может быть, когда-нибудь он продаст ее – и мы наконец узнаем его имя. Или нет. Арабам очень нравятся эти бирки. У летчиков, которые потерпели аварию в пустыне и поступили к нам, никогда не бывает именных бирок, по которым их можно идентифицировать. А сейчас этот пациент скрывается на вилле в Тоскане, и девушка ни за что не бросит его. Союзники сумели разместить там сотню раненых. До того немцы удерживали монастырь – свой последний оплот – с небольшим отрядом. Стены некоторых комнат расписаны под разные времена года. За виллой расположено узкое ущелье. И все это – в горах, в тридцати километрах от Флоренции. Вам, конечно, понадобится

пропуск. Может, мы попросим кого-нибудь подвезти вас. Там вокруг остались ужасные следы боев: убитые животные, мертвые лошади, наполовину съеденные, тела убитых людей, свисающие с моста. Последние злодеяния войны. Там все начинено минами – саперам хватит работы надолго. При отступлении немцы заминировали почти все. Для госпиталя это было ужасное место. Кругом стоял запах смерти. Потребуется не одна стая воронов и немало снежных метелей, чтобы очистить эту страну от мертвых тел и замести следы войны.

– Спасибо.

Впервые за время пребывания в римском госпитале он вышел на воздух, на солнце – вырвался наконец из больничных палат с зеленоватым светом, в которых чувствовал себя как в стеклянной банке. Стоял, вдыхая воздух полной грудью, вбирая все, что видит вокруг. «Прежде всего, – подумал он, – нужны ботинки на резиновой подошве. А еще я хочу мороженое».

В трясущемся поезде он долго не мог заснуть. Пассажиры курили. Виском ударялся об оконную раму. Люди были одеты в черное, огоньки сигарет походили на маленькие костры в ночи. Он заметил, что всякий раз, когда поезд проезжал мимо кладбища, все крестились.

«Она сама далеко не в лучшей форме».

Мороженое для миндалин, подумал он. И вспомнил, как они втроем – с девочкой и ее отцом – пришли в больницу, где ей должны были удалить гланды. Она только взглянула на палату, полную других детей, и наотрез отказалась. Эта девочка, такая послушная и покладистая, вдруг проявила твердость и железную волю, чего никто не ожидал. Она не позволит ничего делать с собой и будет жить с этим, что бы ни случилось. А он до сих пор так и не узнал, что это за штука – гланды.

«Странно, – пронеслось в мыслях, – что они не тронули голову». Самое страшное, когда он представлял себе, что они могли бы сделать дальше, какой орган отрезать следующим. В такие минуты он всегда беспокоился за голову.

Опять что-то, похожее на мышь, пробежало по перекрытию потолка.

Он остановился в дальнем конце коридора и, поставив саквояж на пол, помахал ей сквозь тьму и колеблющиеся облачка свечных огоньков, а потом направился по длинному коридору. Девушку немного удивило, что не было слышно звука шагов: он приближался почти бесшумно. Это действовало успокаивающе и было знаком того, что пришелец не разрушит уединенный мир: ее и английского пациента.

Когда он проходил мимо канделябров в коридоре, они отбрасывали тень на стены. Девушка подкрутила фитиль лампы, и стало немного светлее. Сидела прямо, с книгой на коленях; он подошел и склонился над ней, как старый добрый дядюшка.

– Скажи мне, что такое миндалины.

Она посмотрела удивленно.

– Я помню, как ты пулей выскочила из больницы, а мы с отцом бежали за тобой.

Она кивнула.

– Твой пациент здесь? Можно с ним познакомиться?

Она отрицательно качала головой, пока он не заговорил снова:

– Ну, тогда увижу его завтра. Где я могу разместиться? Простыни не нужны. А кухня здесь есть? Если бы знала, какое странное путешествие я проделал, чтобы найти тебя...

Когда визитер ушел, она вернулась к столу и села, не в силах унять дрожь. Ей нужен этот стол и наполовину прочитанная книга, чтобы взять себя в руки. Человек, которого знала еще девочкой, ехал сюда на поезде, пешком одолел семь километров из деревни в гору, затем прошел по длинному темному коридору – только для того, чтобы увидеть ее?

Через несколько минут девушка вошла в комнату английского пациента и остановилась, глядя на него. На листву, нарисованную на стенах, лился лунный свет, и казалось, что листья живые, а растения источают нежный аромат; рука

невольно тянется к цветку, чтобы сорвать его и приколоть к платью.

Мужчина с фамилией Караваджо[12 - Совпадает с псевдонимом итальянского живописца Микеланджело да Меризи (1573–1610), создателя художественной системы, называемой «караваджизм» (монументализация обыденного мира с помощью светотеневых контрастов).] распахивает настежь все окна в комнате, прислушиваясь к ночным шорохам.

Он раздевается, осторожно растирает забинтованными ладонями шею – и некоторое время неподвижно лежит на незастеленной кровати. Шепчутся деревья в саду. Блики луны прыгают на листьях астр, ныряя в них серебряными рыбками и появляясь снова.

Лунный свет окутывает, словно вторая кожа, словно сноп воды. Через час он уже на крыше виллы. Здесь, наверху, видит разрушенные бомбежками скаты крыши, а внизу – развороченные огороды и сады, окружающие виллу. Он все еще в Италии.

Утром у фонтана они пытаются поговорить.

– Вот ты и в Италии, значит, можешь больше узнать о Верди[13 - Джузеппе Верди (1813–1901) – итальянский композитор, мастер оперного жанра.].

– Что? – Она поднимает голову от белья, которое стирает в фонтане.

Он напоминает:

– Когда-то ты говорила мне, что влюблена в него.

Хана в смущении опускает голову. Караваджо ходит вокруг, рассматривая дом при дневном свете, глядя из лоджии вниз, на сад.

– Да, когда-то ты все время повторяла это. Доводила нас до бешенства все новой и новой информацией о Джузеппе. Какой мужчина! Лучший из лучших! В нем нет изъянов! И нам ничего не оставалось, как соглашаться с тобой – самоуверенной шестнадцатилетней девочкой, не терпящей возражений.

- Той девочки давно уже нет. - Она вешает выстиранную простыню на край фонтана.

- Ты всегда добивалась чего хотела.

Она идет по тропинке из булыжников, меж которыми пробивается трава. Он видит ее ноги, обтянутые черными чулками, тонкое коричневое платье. Перегнувшись через балюстраду, Хана говорит:

- Наверное, я должна признать, хотя бы в глубине души, что приехала сюда именно из-за Верди, но вряд ли осознавала это. А может, потому, что ты уехал на войну, а потом и отец... Посмотри на ястребов. Они прилетают сюда каждое утро. Все остальное разбито. Водопровод разрушен, воду можно взять только в этом фонтане. Союзники разобрали водопровод, когда уходили. Они думали, что тогда я соглашусь уехать.

- Тебе следовало уехать. Ведь этот район еще не разминирован, кругом полно неразорвавшихся снарядов.

Она подходит ближе и прикладывает палец к его губам.

- Караваджо, я очень рада видеть тебя. Как никого другого. Только не говори, будто приехал сюда специально, чтобы уговорить меня уехать.

- Да плевать на эти чертовы бомбы! Я бы с удовольствием посидел где-нибудь в маленьком баре, выпил пива и закусил сыром, только не хочется думать, что в один прекрасный момент это все может взлететь на воздух! Я бы не отказался послушать Фрэнка Синатру. Кстати, было бы неплохо раздобыть что-нибудь музыкальное, - говорит он. - Это будет полезно и твоему пациенту.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Лосьон, состав для примочек или мазь, содержащие каламин (розовый порошок, смесь карбоната цинка и оксида железа), применяющиеся в медицинской практике для ухода за обожженной поверхностью тела. – Здесь и далее примечания редактора, если не оговорено иное.

2

Имеется в виду роман Редьярда Киплинга «Ким».

3

Мыс Эль-Абьяд (Энгела, Рас-Энгеля) – самая северная точка Африки.

4

Кью-Гарденс – большой Королевский ботанический сад в западной части Лондона. – Прим. пер.

5

Медичи – флорентийский род, игравший важную роль в средневековой Италии. С 1434 по 1737 г. (с небольшими перерывами) правили Флоренцией.

6

Геродот (между 490 и 480 – ок. 425 гг. до н. э.) – древнегреческий историк, прозванный «отцом истории».

7

Графства на крайнем юго-западе Англии, между Бристольским заливом и проливом Ла-Манш. В некоторых источниках называются Корнуэлл и Девоншир.

8

Имеется в виду Тассилип-Аджер, плато в Центральной Сахаре с наскальными изображениями разного времени (с 8-го тысячелетия до н. э.). Не следует путать его с плато Тассилип-Ахаггар, находящимся южнее нагорья Ахаггар, тогда как Тассилип-Аджер расположено к северо-востоку от этого нагорья. Детальное обследование рисунков и неолитических орудий и керамики провела французская экспедиция А. Лота в 1956–1957 гг.

9

Вади-Сура – одна из сухих долин в пустынях Северной Африки. Вади, или уэд, – общее название таких долин в арабском языке.

10

Намек на принцип «корреляции органов», установленный французским зоологом Жоржем Кювье.

11

Столица итальянской области Тоскана.

12

Совпадает с псевдонимом итальянского живописца Микеланджело да Меризи (1573–1610), создателя художественной системы, называемой «караваджизм» (монументализация обыденного мира с помощью светотеневых контрастов).

13

Джузеппе Верди (1813–1901) – итальянский композитор, мастер оперного жанра.

Купить: https://tellnovel.com/ru/ondatzhe_maykl/angliyskiy-pacient

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)